

К.Н. Бестужев-Рюмин

**Биографии и характеристики
Татищева, Шлецера,
Карамзина, Погодина,
Соловьева, Ешевского,
Гильфердинга**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К.Н. Бестужев-Рюмин
К11 Биографии и характеристики Татищева, Шлецера, Карамзина, Погодина, Соловьева, Ешевского, Гильфердинга / К.Н. Бестужев-Рюмин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 364 с.

ISBN 978-5-4241-6525-2

Биографии и характеристики Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг.

ISBN 978-5-4241-6525-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
В. Н. Татищевъ	1
А. Л. Шлецеръ	177
Карамзинъ, какъ историкъ.	205
М. П. Погодинъ.	231
С. М. Соловьевъ.	255
С. В. Ешевскій	273
А. Θ. Гильфердингъ, какъ историкъ	351

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

АДМИНИСТРАТОРЪ И ИСТОРИКЪ НАЧАЛА XVIII ВѢКА ¹⁾.

1686 — 1750 г.

Пушкинъ называлъ Ломоносова «первымъ русскимъ университетомъ»; названіе это въ значительной степени можетъ быть примѣнено и къ первоначальному русской исторической науки — В. Н. Татищеву. Многосторонняя дѣятельность Татищева, — который былъ и начальникомъ горныхъ заводовъ, и управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, и губернаторомъ Астраханскимъ, оставаясь въ тоже время историкомъ и географомъ, которымъ предложена была такая программа собиранія свѣдѣній о Россіи, что изъ нея видны были и многосторонность познаній и ширина его взгляда на дѣло, — невольно поражаетъ въ наше время и возбуждаетъ, быть можетъ, нѣкоторыя недоумѣнія. XIX вѣкъ по преимуществу вѣкъ раздѣленія труда и спеціализаціи ученыхъ занятій. На широкія обобщенія, на многосторонность свѣдѣній, многіе смотрятъ въ наше время подозрительно, опасаясь поверхностности, верхоглядства, энциклопедизма и т. п. Значительная доля правды чувствуется въ этомъ взглядѣ: широкія воззрѣ-

¹⁾ При составленіи этой статьи, кромѣ указанныхъ въ разныхъ мѣстахъ статей и матеріаловъ, мы многимъ обязаны добросовѣстно и полно составленной книгѣ Н. А. Попова: «Татищевъ и его время». М. 1861 г. и разнымъ томамъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, этой сокровищницѣ, изъ которой еще долго придется всѣмъ намъ почерпать много свѣдѣній и многому учиться. Библіографія всего, что написано до книги Н. А. Попова, заключается въ ней, потому и не повторяемъ этихъ указаній.

нія нерѣдко оказывались пустозвонствомъ, многостороннія свѣдѣнія часто являлись схваченными кое откуда вершками. Несостоятельность тѣхъ и другихъ должны были оказаться всего яснѣе въ то время, которое все погрузилось въ «міръ подробностей», предсказанный Наполеономъ I, когда любимымъ орудіемъ естествознанія сталъ микроскопъ, когда совершенно подобныя же микроскопическія наблюденія стали производиться надъ строемъ языковъ, обычаями, вѣрованіями, остатками прошлаго, когда въ наукахъ общественныхъ получила преобладаніе статистика, вся основанная на точныхъ и кропотливо собранныхъ фактахъ, когда наконецъ въ жизни практической, отъ низшихъ до высшихъ сферъ ея, устанавливается начало раздѣленія труда, когда все болѣе и болѣе раздаются голоса, требующіе спеціальной подготовки для каждого дѣла. Но и въ наше время не разъ чувствовались и чувствуются неудобства исключительной спеціализаціи: въ наукѣ это неудобство сказывается въ томъ, что разъясненія фактовъ одной области не рѣдко надо искать совершенно въ другой (такъ напр. исторія постоянно должна опираться на географію, а основа географіи въ наукахъ естественныхъ, уголовное право находить постоянно опору въ психологіи, а эта послѣдняя нерѣдко требуетъ помощи фізіологіи и т. п.); слѣдственно, строго ограничиваясь одною областью, а тѣмъ болѣе уголкомъ этой области, ученый многого не въ состояніи понять и объяснить. Въ жизни практической замѣчено, что тѣмъ спеціальнѣе занятіе человѣка (напр. рабочаго при строгомъ примѣненіи начала раздѣленія труда), тѣмъ труднѣе ему при перемѣнѣ обстоятельствъ привыкать къ другому труду, тѣмъ зависимѣе положеніе такого человѣка. Въ наше время есть однако средства до извѣстной степени отвратить неудобства этой системы: спеціальному образованію непременно должно предшествовать общее; по каждой наукѣ должны существовать (и въ богатыхъ литературахъ существуютъ) обзоры, руководства, справочныя книги; существуютъ наконецъ ученыя общества, гдѣ изъ многихъ членовъ каждый

можетъ въ чемъ-нибудь оказать пособіе, ученые журналы, по которымъ легко судить о движеніи разныхъ наукъ и т. п. Въ жизни практической можно стараться не слишкомъ суживать спеціальность и распространять общее образованіе, что въ болѣе или менѣе значительной степени примѣняется въ странахъ образованныхъ. При такихъ условіяхъ и такой обстановкѣ, спеціальность становится и законною и желательною: чѣмъ подробнѣе и точнѣе будутъ изучены явленія міра физическаго и нравственнаго, тѣмъ полнѣе и прочнѣе будутъ и общее образованіе и благосостояніе человѣчества; чѣмъ лучше люди, призванные къ практической дѣятельности, будутъ знать именно то дѣло, которое имъ приходится дѣлать, тѣмъ больше пользы принесутъ они дѣлу, ибо относясь къ дѣлу со знаніемъ, они отнесутся къ нему и со вниманіемъ и съ любовью, если, разумѣется, дѣло не слишкомъ суживаетъ способности человѣка, (отъ человѣка, призваннаго всю жизнь дѣлать булавочныя головки, трудно требовать любви къ своему дѣлу). Замѣтимъ еще, что при спеціализаціи занятій возможнѣе найти для всякаго, какъ бы ни были ничтожны его способности, соотвѣтствующее этимъ способностямъ дѣло, чѣмъ значительно увеличивается масса пользы, получаемой обществомъ отъ его отдѣльныхъ членовъ. Таково положеніе этого вопроса въ наше время. Но иное было оно въ началѣ XVIII вѣка, когда у «кормила роднаго корабля» стоялъ геніальный энциклопедистъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ;—

когда почувствовалось, что Россіи надо наперечъ всѣ свои силы, чтобы сравняться во внѣшнемъ развитіи и благосостояніи съ народами Европы и принять участіе въ умственномъ движеніи, отъ котораго она стояла еще далеко. Потребовалась работа усиленная; самъ царь «постоянно въ работѣ пребывающій» трудился безъ усталы; пришлось создавать и работниковъ и орудія работы: работники требовались всюду, ибо всюду нужна была работа, работа усиленная, спѣшная,

но вмѣстѣ съ тѣмъ и толковая. Рукъ не хватало. Пришлось тѣмъ, кто даровитѣе, брать на себя много дѣлъ и при томъ учиться дѣлу при самомъ дѣлѣ, а не готовиться къ нему долгими годами: случалось нерѣдко, что самое дѣло представлялось неожиданно, когда уже начато было другое, ибо оказывалось, что это другое не можетъ быть сдѣлано безъ перваго; приходилось переходить къ другому дѣлу, вновь учиться и зорко оглядываться по сторонамъ, не усложнится ли и это какимъ-нибудь вновь открывшимся обстоятельствомъ. Такъ жили и дѣйствовали «птенцы гнѣзда Петрова». Имъ почти все приходилось начинать сначала: приходилось и изучать новыя для Россіи науки и при свѣтѣ этихъ наукъ изучать и самую русскую землю, которая до тѣхъ поръ еще не была предметомъ изученія, а только знакома была по непосредственному практическому наблюденію: знали то, что было на поверхности и часто отъ незнакомства съ наукою пропускали безъ вниманія то, что могло оказаться драгоценнымъ. Трудную школу проходили дѣятели Петровской эпохи, но выносили они изъ этой школы упорство въ трудѣ и умѣніе всѣмъ пользоваться и, быстро соображалъ, примѣнять все пріобрѣтенное къ окружающей ихъ дѣйствительности. Въ рядахъ учениковъ этой Петровской школы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Татищевъ. Приглядываясь къ подробностямъ жизни этого богато-одареннаго отъ природы челоуѣка, мы увидимъ, что обстоятельства его жизни были обширною школою, способствовавшею ему и въ томъ, что онъ собралъ столько свѣдѣній, и въ томъ, что онъ поставилъ такую широкую основу для своего труда. Честь ему, что онъ счумѣлъ не зарыть свой талантъ въ землю и сторицею принести пользу своей родной странѣ, не смотря даже на то, что не разъ неблагоприятныя условія мѣшали ему осуществить все, что онъ хотѣлъ бы осуществить, не смотря даже на то, что любимый трудъ его жизни, его «Русская исторія», не могъ появиться при его жизни и достигъ до насъ едва-ли въ полномъ видѣ. Но если многое въ обстоятельствахъ жизни мѣ-

шало его дѣятельности, за то многое и помогало ей; для насъ же, получившихъ возможность пользоваться его трудами, нельзя не назвать счастливымъ того обстоятельства, что первымъ русскимъ историкомъ былъ практическій, много видѣвшій и въ высшей степени обладавшій даромъ наблюдательности человѣкъ. Въ вопросахъ чистой учености онъ принадлежитъ своему времени, по ширинѣ постановки дѣла и практическимъ ограниченіемъ себя возможными предѣлами онъ обязанъ своей широкой практической дѣятельности. Дальнѣйшее изложеніе оправдаетъ — надѣюсь — вѣрность этихъ предварительныхъ замѣчаній. Обзорѣнію ученой дѣятельности Татищева и оцѣнкѣ ея результатовъ предположемъ очеркъ его жизни, изъ котораго будетъ видно, какъ много условій для успѣха въ научномъ трудѣ дала ему эта жизнь, видно будетъ также и почему онъ не могъ достигнуть инаго. Знакомство съ обстановкою, въ которую былъ поставленъ Татищевъ, поможетъ намъ встать на вѣрную точку зрѣнія при оцѣнкѣ его взглядовъ и добытыхъ имъ результатовъ.

I.

Татищевъ принадлежалъ къ старой аристократической фамиліи: родъ его происходитъ отъ князей Смоленскихъ, и хотя ими Татищевыхъ не часто встрѣчается въ историческихъ памятникахъ московскаго періода, но все-таки встрѣчается иногда, почему и нельзя ихъ считать совсѣмъ «захудалыми», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Дальній родственникъ Василя Никитича, бояринъ Михайло Юрьевичъ, былъ воеводою въ Архангельскѣ; дочь его, Анна Михайловна, вышедшая за Федора Петровича Салтыкова, была матерью царицы Прасковіи Федоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича (съ 1684 г.). Въ числѣ придворныхъ царя и царицы появляется нѣсколько Татищевыхъ въ чинѣ стольниковъ и между ними Василій

Никитичъ (1693 г.). Былъ ли это нашъ историкъ, которому минуло тогда 7 лѣтъ, или нѣтъ, рѣшать не беремся; замѣтимъ однако, что другаго Татищева съ этимъ именемъ и отчествомъ въ то время не находится. Какъ бы то ни было, нельзя не видѣть во всемъ этомъ объясненіи близкаго знакомства Татищева съ дворомъ царицы Прасковіи. По понятіямъ того времени, самые дальніе родственники считались между собою въ родствѣ и при нуждѣ защищали другъ друга и другъ другу помогали. Такъ было и позднѣе: стоитъ только вспомнить Фамусова. Отецъ Татищева, Никита Алексѣевичъ, тоже стольникъ, имѣлъ помѣстье въ Псковскомъ уѣздѣ; здѣсь, вѣроятно, родился нашъ историкъ (1686 г.), который самъ говорить, что въ 1699 г. онъ былъ во Псковѣ. Какъ и чему учился Татищевъ, мы не знаемъ, ибо самъ Татищевъ только разъ упоминаетъ о своей ранней молодости. Въ «Духовной» говорить онъ сыну: «Родитель мой въ 1704 г., отпуская меня съ братомъ ¹⁾ въ службу, сіе намъ крѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались». Этого практическаго правила держался Татищевъ всю свою жизнь. Впрочемъ, одинъ изъ біографовъ Татищева ²⁾ полагаетъ довольно справедливо, что Татищевъ, или до 1704 г., или по поступленіи уже на службу, учился въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи

¹⁾ Иванъ Никитичъ Татищевъ тоже поминается въ числѣ стольниковъ царицы Прасковіи: «Алфав. указатель къ боярск. книгамъ», 404, а между тѣмъ у кн. Долгорукова мы не нашли брата В. Н. Въ докладѣ о винахъ Татищева поминается братъ его Никифоръ (Жизнь Рычкова, 156).

²⁾ Н. К. Чупинъ въ превосходныхъ статьяхъ въ «Пермск. Губернскихъ Вѣдом.» 1869 г. описалъ жизнь Татищева до 1734 г. Упомянувъ п чтеннаго, но мало извѣстнаго дѣятеля, мы считаемъ долгомъ прибавить, что Н. К. Чупинъ лучшій знатокъ края, человѣкъ многосторонне и широко образованный, приписитъ большую пользу русской наукѣ своими трудами: въ настоящее время онъ издаетъ «Историко-географическій словарь Пермской губерніи». Густо было намъ читать въ одной распространенной газетѣ упрекъ Н. К. за то, что онъ занимается китайскимъ языкомъ. Долго ли мы будемъ не уважать нашихъ замѣчательныхъ людей!

Брюса. «На это указываютъ—говорить почтенный авторъ—хорошія свѣдѣнія Татищева въ артиллеріи и фортификаціи, устройство имъ школъ на заводахъ, отчасти по образцу московской, наконецъ, охотный пріемъ имъ на службу на заводы учениковъ этой школы». Прибавимъ, что въ пользу того же говорить и связь Татищева съ Брюсомъ, имѣвшимъ, какъ человѣкъ высоко-образованный, такое рѣшительное вліяніе на направленіе ученой дѣятельности Татищева. На службу Татищевъ поступилъ въ 1704 г. Первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ участвовалъ, было взятіе Нарвы (1705); затѣмъ, мы знаемъ, онъ участвовалъ съ Полтавской битвѣ и потомъ стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ, гдѣ началъ учиться польскому языку. Въ 1710 г. онъ съ командою въ 300 чел. отправленъ изъ Пинска въ Кіевъ по Припяти. Выступивъ изъ Кіева, по дорогѣ въ Молдавію, онъ осматривалъ близъ Коростена высокій холмъ, который слылъ въ народномъ преданіи за могилу Игоря. Въ 1711 г. участвовалъ въ Прутской кампаніи, въ 1713 и 1714 г. былъ заграницею, въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ, кажется, для усовершенствованія себя въ наукахъ. До сихъ поръ въ Екатеринбургѣ сохраняются книги, пожертвованныя Татищевымъ; на нихъ обозначено мѣсто и время покупки. Многія книги по части математики, военныхъ наукъ, географіи и исторіи были куплены Татищевымъ именно въ эту поѣздку. Въ эту поѣздку Татищевъ окончательно освоился съ нѣмецкимъ языкомъ, которымъ—какъ говорятъ современники—онъ вполне владѣлъ. Такъ свидѣтельствуетъ англичанинъ Кэстль, познакомившійся съ нимъ во время оренбургской экспедиціи. Кэстль же говоритъ, что онъ обладалъ большими познаніями въ исторіи, естествознаніи и «другихъ курьезахъ». Возвращаясь изъ-за границы чрезъ Польшу, Татищевъ посѣтилъ въ Лубнахъ фельдмаршала Шереметева и здѣсь спасъ отъ казни женщину, осужденную на смерть по подозрѣнію въ чародѣйствѣ; она созналась съ пытки въ томъ, что обращалась «въ со-року и дымъ». Татищевъ, получивъ, послѣ усиленныхъ просьбъ,

позволеніе говорить съ нею, долго не могъ добиться, чтобы испуганная женщина отреклась отъ своего нелѣпаго показанія; долго стояла она на своемъ и говорила, что ей лучше умереть, нежели, отпершись, еще быть пытанной; наконецъ Татищевъ ее уговорилъ. Женщина была сослана въ монастырь на покаяніе. Изъ этого разсказа, сообщеннаго самимъ Татищевымъ, видно, что онъ тогда уже стоялъ выше многихъ своихъ современниковъ, не только въ Россіи, но даже и въ Западной Европѣ: въ Германіи послѣдняя вѣдьма сожжена въ 1749 г., въ Англіи въ 1716 г., въ Шотландіи въ 1722 г.; самые законы противъ вѣдьмъ отмѣнены въ Англіи только въ 1736 г. Татищевъ вѣрованіе въ вѣдьмъ приписываетъ людямъ «отъ неученія суевѣрствомъ обладаннымъ». Въ 1717 г. Татищевъ снова былъ за границею въ Гданскѣ (Данцигѣ), куда Петръ послалъ его хлопотать о включеніи въ контрибуцію стариннаго образа, о которомъ шла молва, будто онъ писанъ св. Меѳодіемъ, первоучителемъ славянскимъ; но магистратъ Гданска не уступилъ образа, а Татищевъ доказалъ Петру невѣрность преданія. Случай интересный потому, что показываетъ какъ Петръ дорожилъ древностію и какъ много вѣрилъ Татищеву въ этомъ случаѣ. Изъ поѣздки Татищевъ вывезъ тоже много книгъ. Быть можетъ, Татищеву также было поручено познакомиться съ дѣлопроизводствомъ въ иностранныхъ канцеляріяхъ: съ этою цѣлію многіе были посланы за границу въ то время, когда Петръ задумывалъ устройство коллегій. Если это предположеніе вѣрно, то едва ли поѣздка Татищева могла ограничиваться однимъ польскимъ Гданскомъ. По возвращеніи изъ Гданска, Татищевъ состоялъ при Брюссѣ, президентѣ бергъ—и мануфактуръ-коллегіи и ѣздилъ съ нимъ на Аландскій конгрессъ; въ эту поѣзду Татищевъ тоже увеличилъ свою бібліотеку. Такъ росла бібліотека Татищева, а между тѣмъ обрисовался и подвигъ, которому онъ долженъ былъ посвятить 30 лѣтъ своей жизни и въ исполненіи котораго много послужила ему эта бібліотека—зачиналась мысль о «Русской исторіи». Поводомъ къ этому труду послу-